

Реншильд грубо выругал Левенгаупта, но возвращать пехоту уже не стал, поскольку успел остановить ее в самом начале маневра. В результате кавалерия, стоявшая сзади пехоты, окончательно пришла в замешательство.

Итак, после некоторой задержки шведы выстроили пехоту в одну линию, – всего оставшихся четыре тысячи солдат, поделенных на десять батальонов. Общая длина линии составляла около полутора километров, в то время как русская – более двух километров. Петр, увидев, что русская линия может стать значительно длиннее шведской, приказал Боуру увести шесть драгунских полков князя Волконского в сторону стоявшего неподалеку гетмана Скоропадского. Опасаясь ослабления правого фланга, Шереметев начал возражать, его поддержал генерал Аникита Иванович Репнин, тот самый, которого Петр разжаловал в солдаты после неудачи под Головчиным. Но Петр настоял на своем, отправив около пяти тысяч драгун к Скоропадскому. Существует версия, что Петр, не совсем доверяя казакам, перестраховывался на тот случай, чтобы они не переметнулись на сторону противника в случае, если шведам удастся смять русскую линию.

Когда драгуны стали отходить в тыл к Скоропадскому, шведская армия пошла на сближение. Немедленно движение шведов было замечено, Петр выехал перед фронтом своих войск и трижды перед разными корпусами обратился к офицерам и солдатам с короткой речью: *«За отечество принять смерть веема похвално, а страх смерти в бою вещь всякой хулы достойна»*. После этого он отдал приказ идти навстречу шведам. Согласно ранее продуманному плану, Петр передал общее командование фельдмаршалу Шереметеву, а сам принял на себя командование первой дивизией.

Девятый час утра. Началось...

И все же фельдмаршал Реншильд и генерал Левенгаупт помирились. Энглунд Петер так описывает их последний разговор: " *«Генерал, вам следует атаковать противника. Сослужите же Его Величеству еще одну верную службу, а мы с вами давайте помиримся и будем опять добрыми*